

Тайный другъ Пушкина.

Послѣ судебного процесса объ А. Ф. Леопольдовѣ, А. С. Пушкинѣ и др., описаннаго въ моей статьѣ „Преступный отрывокъ элегіи“ Андрей Шенье ¹⁾, новгородская полиція разыскивала чиновника 10-го класса Александра Пушкина, „чтобы объявить ему резолюцію суда, но не нашла его въ тѣ дни, а установила, что онъ бываетъ въ Новгородѣ и останавливается въ домѣ купца Березина. Тамъ, по рѣшеніи дѣла, проживалъ и Леопольдовъ.

Извѣстно, что сыръ-боръ загорѣлся, благодаря отрывку, съ заглавіемъ „14-го декабря 1825 г.“, который былъ найденъ у Леопольдова. По его объясненію суду, отрывокъ этотъ есть нечто иное, какъ списокъ съ подлинника, даннаго прапорщикомъ Молчановымъ и возвращеннаго ему обратно чрезъ двороваго помѣщицы Вадковской—Василія.

Однако на очной ставкѣ Молчановъ показалъ, что ничего онъ отъ Леопольдова не получалъ и никакого Василія не знаетъ; удостовѣрено также, что такого двороваго человѣка у Вадковской нѣтъ.

Самъ поэтъ объяснилъ, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ у него исчезъ злосчастный отрывокъ, запрещенный цензурой.

Настоящія обстоятельства о появленіи отрывка у Леопольдова по меньшей мѣрѣ странны.

Вѣдь не секретъ, что А. С. былъ мысленно на сторонѣ декабрь-

¹⁾ „Русск. Стар.“ августъ 1899 г.

скихъ событій, поэтому возможно, что онъ передалъ стихи Леопольдову, поставивъ загадкой содержаніе, а тотъ, недолго думая, взялъ да и озаглавилъ ихъ „14 декабря 1825 г.“. Когда же сталъ распространять и попалъ подъ судъ, то, цѣня и любя поэта, не пожелалъ вовлекать его въ уголовное дѣло.

Поэтъ останавливался въ Новгородѣ если не у самого Леопольдова, то въ одномъ и томъ же домѣ, съ очевидной цѣлью, чтобы имѣть свиданіе.

Несомнѣнно, между Пушкинымъ и Леопольдовымъ были отношенія и какія-то интимныя, но о нихъ нигдѣ и никакіе документы не свидѣтельствуютъ.

Такихъ людей, какъ Леопольдовъ, великій поэтъ уважалъ и сближался съ ними тѣсно. Это былъ молодой ученый, переводилъ съ французскаго и латинскаго серьезныя сочиненія, самъ писалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Изъ собственныхъ его сочиненій слѣдуетъ отмѣтить: „Объ отношеніяхъ религіи къ разуму и разума къ религіи“, „Спасутся ли язычники?“, разсужденіе „о невозможности постепеннаго образованія въ цѣломъ родѣ человѣческомъ“, „Мысли на разсужденіе о духѣ древнихъ стихотворцевъ, ораторовъ и историковъ“, „О раздѣленіи церкви восточной и западной“.

Изъ переводовъ: „О правленіи“ (Галлеръ), „Жизнь Агриколы“ (Тацитъ), „О философіи“ (Боввиля), „О нравахъ германцевъ“ (Тацитъ), „Слово въ Великій пятокъ“ (Дюрандъ), „Бесѣда Фенелона съ Рамзе о религіи“, „Теорія латинскаго слога“, „Исторія латинской словесности“, „Догматическое ученіе о Богѣ“ и много другихъ.

Леопольдовъ прекрасно окончилъ Московскій университетъ кандидатомъ словесныхъ наукъ. О своемъ происхожденіи, когда находился подъ судомъ, онъ писалъ: „я изъ духовнаго званія, сынъ дьячка Филиппа Петрова, имѣющаго жительство въ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, въ селѣ Ртищевѣ, и отъ роду имѣю себѣ 27 лѣтъ ¹⁾“.

Воспитываясь въ Пензенской семинаріи, Леопольдовъ имѣлъ, хотя грубый и недоброкачественный, но все-таки казенный коштъ. Бурса заботилась о немъ; кормила, обувала, одѣвала его. Другое дѣло въ университетѣ. Тутъ уже началась жизнь самостоятельная, приходилось изыскивать самому кусокъ хлѣба, создавалось тяжелое положеніе: учись и въ то же время зарабатывай на прожитіе. Оставался единственный исходъ давать уроки. Вскорѣ Леопольдовъ познакомился съ дворовымъ человѣкомъ помѣщика Гурьева—Брызгаловымъ, который ему понравился тѣмъ, что питалъ страстное

¹⁾ 27 октября 1827 г.

влеченіе къ чтенію и письму, чтобы впослѣдствіи постичь мудрость библіи и литературы. Объ этомъ знакомствѣ Брызгаловъ давалъ свидѣніе въ своемъ объясненіи ¹⁾ слѣдственной комиссіи по дѣлу Леопольдова. „Кандидатъ Андрей Филиппычъ былъ захожъ къ моимъ господамъ, гдѣ я съ нимъ и ознакомился; онъ училъ меня грамматикѣ и занимался со мною чтеніемъ обыкновенныхъ книгъ“.

Несмотря на помощь со стороны Брызгалова, которая была преимущественно вещевая, Леопольдовъ терпѣлъ большую нужду. сидѣлъ безъ сапогъ, табаку и пр. Это видно изъ его письма ²⁾ къ Брызгалову „Здравствуй“! Вотъ тебѣ даръ ³⁾ отъ меня. Даръ самъ въ себѣ не важенъ, мелочень, но усердіе велико. Библию—нельзя. Она всякій часъ самому необходима. Библия у меня тоже даръ отъ такого мѣста, гдѣ я получилъ многое и многое потерялъ. Даръ не дарятъ; помни это всегда. Въ домѣ у васъ есть библия, читай, не лѣнись. Что же еще сбавить тебѣ? Да—о часахъ, надежды нѣтъ, правду Давидъ говоритъ: не надѣйся на людей. И теперь не только не удовлетворяю себя покупкой необходимой сей вещи, но безъ чаю остаюсь. Вотъ еще горе—почти безъ *босоговъ* ⁴⁾. О, люди! люди! Увы, и табакъ-то весь. Братъ, помоги! Погибаю. Докажи, что не званіе рождаетъ добрыя чувства, но благородное сердце. На 1-й день Рождества не придю поздравлять. Холодно. Сидя у печки, чуть не замерзаю. Какое у меня раздолье. Почти во всемъ этажѣ одинъ скитаюсь, какъ ночное привидѣніе. То-то горе, что табаку-то нѣтъ, а то бы блаженство, сидя въ теплѣ со схоластикомъ“.

Во время прохожденія послѣднихъ курсовъ, Леопольдовъ пристроился на урокахъ у генеральши Вадковской и скоро поправилъ свои матеріальныя обстоятельства, даже сталъ помогать своимъ родителямъ. Въ показаніяхъ суду онъ говорилъ: „Мой отъѣздъ изъ Москвы въ домъ родителей былъ причиною, чтобы оказать имъ и семейству при бѣдности пособіе. Какъ обязанный отцу, хотя и бѣдному, жизнию и христіанскимъ воспитаніемъ, и сострадая о бѣдномъ его положеніи, въ жару сыновней любви, не могъ не поспѣшить къ нему отъѣздомъ изъ Москвы и тѣмъ исполнить обязанность естественную и христіанскую“.

Когда Леопольдовъ былъ на родинѣ, восторгался природой.

¹⁾ 25 мая 1827 г.

²⁾ 1824 г.

³⁾ Книга подъ заглавіемъ „Каліона“.

⁴⁾ Сапоговъ.

изучалъ помѣщиковъ, но тѣмъ не менѣе скучалъ по Москвѣ. И не мудрено. Въ древней столицѣ онъ проводилъ самыя впечатлительныя годы, встрѣчалъ тамъ развитое, ученое общество, сталкивался съ людьми простаго класса, низшаго сословія, но жаждавшими грамоты и науки.

Онъ вполне убѣдился, что лучше столицы нѣтъ больше такого сосуда, гдѣ бы можно было почерпнуть неизсякаемую пищу для ума и усовершенствованія. Поэтому небезынтересно привести здѣсь его письмо отъ 27 августа 1826 г., посланное на имя Брызгалова: „Здравствуй!—кланяюсь тебѣ изъ родимой стороншки, изъ-подъ родительскаго тихаго крова. Доѣхалъ я благополучно и весело. Родные мои мнѣ рады, такъ что не могутъ и выразить своей радости. Такъ-то я теперь поживаю весело, занимаюсь охотою, ѣмъ, или, лучше сказать, обжираюсь арбузами, ахъ, виновать—не арбузами, а нектаромъ, каковаго и на Олимпѣ греческихъ боговъ не было, гуляю, катаюсь верхомъ и пр. Ну, словомъ, живу какъ въ раю. Придетъ воскресный день, я на клиросѣ пою съ братомъ. Крестьяне смотрятъ уже на меня съ удивленіемъ; шинель моя пускаетъ пыль въ глаза и не мужикамъ, а штабсъ-капитанство... о! о! о!—и баить нечего.

„Всякій знакомый мнѣ говорятъ, что онъ читалъ обо мнѣ въ газетахъ, а мнѣ по сердцу масломъ. Былъ недавно у сестры, которая живетъ въ степи. Село изъ 15 домовъ, вокругъ дикая степь, впрочемъ, не пустыня. Мѣсто по климату рай. Все нѣжить и поконтъ человѣка; плоды, воздухъ—это рѣдкость; но все это какъ замѣтно прискучиваетъ, коль общество людей мало. Человѣкъ не созданъ быть звѣремъ; общество людей—вотъ родимая его сфера. У ней пожилъ я два дня и перевезъ ее къ роднымъ. Такъ въ мирномъ кругу людей я живу спокойно; но по временамъ вспоминаю о Москвѣ бѣлокаменной, переносусь мысленно и къ В.; помечтаю о ней на пчельникѣ, или въ лѣсу, или ѣздя по полямъ, да и только. Отъ скуки беру цѣпъ и косу въ руки. Но работникъ прямо говоритъ: полно, не умѣешь. Кругъ помѣщиковъ ничего не имѣетъ завиднаго, это служки царя небеснаго, погоняютъ на работу мужичковъ и только; нѣтъ образованности, слѣдовательно, ничего почти нѣтъ изящнаго и болѣе отъ нихъ разнятся кафтанами. Можно ли не жалѣть объ нихъ. Взявши ихъ классъ отдѣльно и приноровляясь къ просвѣщенному свѣту, невольно съ Тацитомъ воскликнешь: тутъ жизнь мерцаетъ. Ты ужъ обыкновенно тутъ мнѣ бы сказалъ: имъ развратъ малозвѣстенъ, Богъ объ этомъ знаетъ, онъ будетъ и судить; но замѣчая жестокость къ крестьянамъ, скупость, сребролюбіе, невѣжество—невольно придетъ въ голову мысль, что все это

стоитъ чего-нибудь; въ своемъ родѣ зло и зло не малое. Ну, о деревнѣ довольно.

„У васъ въ Москвѣ, думаю, совершилось великое торжество. Минувшее воскресенье подняло всю столицу. Напиши мнѣ о коронаціи все, что можешь. Да что гармонируетъ ли дѣло Ф. Петровича? При полученіи сего письма вообрази обыкновенный мой комплиментъ—въ горбъ. Все надобно дѣлать своимъ чередомъ.

Такъ-то трясый и посыпай... Коряга, скребокъ“.

Брызгалова привлекали по Леопольдовскому дѣлу, дѣлали у него обыскъ и нашли указанное письмо. Нѣкоторыя слова и выраженія показались слѣдственнымъ чиновникомъ темными и загадочными. Поэтому для разъясненія ихъ былъ спрошенъ самъ Леопольдовъ, который освѣтилъ все пустякомъ, нисколько къ дѣлу не относящимся и этимъ поставилъ вопрошавшихъ въ неловкое положеніе. Онъ говорилъ, что „штабсъ-капитанствомъ“ называютъ въ университетѣ степень кандидата 10-го класса; выраженіе „гармонируетъ ли дѣло Ф. Петровича“ обозначаетъ вопросъ: успѣшно ли ведетъ помѣщикъ Гурьевъ—господинъ Брызгалова, дѣло объ имѣніи въ Сенатѣ? „Комплиментъ въ горбъ“ это говаривалъ Леопольдовъ, когда ударялъ слегка въ шутку по спинѣ Брызгалова. Слова „трясый и посыпай“—также шутка; Брызгалова называли козломъ, потому что онъ часто трясъ своей жиденькой, длинной бородкой; Леопольдовъ, бывая у Брызгалова, постоянно подшучивалъ надъ нимъ и за то, когда спрашивалъ табаку, получалъ отказъ; гнѣвъ Брызгалова смягчался лишь при одномъ условіи, если учитель его начиналъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ; слѣдовало угощеніе табакомъ и Леопольдовъ восклицалъ съ восторгомъ: „тряхнеть бородой и табакъ посыплется“.

Заполучивъ университетскій аттестатъ, Леопольдовъ почему-то не остался въ Москвѣ, а покатиалъ въ Петербургъ. Тамъ онъ поселился у нѣмки Пахманъ, гдѣ ранѣе проживалъ уже чиновникъ по строительной части Скотти.

Леопольдовъ очевидно ни уроковъ не искалъ, ни на службу не поступалъ, все что-то писалъ, но писалъ такое, что не давало ему денежныхъ средствъ. Это оказалось сразу, потому что онъ задолжалъ чиновнику и хозяйкѣ.

Наканунѣ Рождества 1826 г. пріѣхалъ фельдъегерь и взялъ съ собою Леопольдова. Куда его повезли, и за что онъ подвергся такой участи—Пахманъ и Скотти совершенно не знали; такъ и долгъ остался за нимъ.

28 декабря онъ былъ доставленъ въ Новгородъ и заключенъ въ тюрьму. Здѣсь въ уѣздномъ судѣ началось его политическое

дѣло. Леопольдовъ много разъ являлся предъ лицомъ судей, много разъ писалъ объясненія, потому что слѣдственной комиссіей были пущены въ ходъ всевозможныя ухищренія, чтобы добиться обвиненія несчастнаго. Всякій пустякъ, каждая мелочь порождали у судебной власти подозрѣніе, разроставшееся чуть ли не въ вѣское доказательство, и подсудимаго часто тревожили то устно, то письменно.

Онъ томился въ заключеніи и не разъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ окончаніи его дѣла.

Просьбы его къ мѣстнымъ властямъ оставались втунѣ, и судебное производство ползло по-прежнему, черепашьимъ шагомъ. Но какимъ-то образомъ эта волокита дошла до Николая I. Черезъ начальника главнаго штаба министръ юстиціи получилъ повелѣніе Государя, чтобы производимое въ Новгородскомъ уѣздномъ судѣ дѣло о Леопольдовѣ, преданномъ суду за имѣніе возмутительныхъ стиховъ „окончено было безъ промедленія времени“.

Высочайшая воля, переходя разныя инстанціи, достигла Новгорода; тогда уже губернаторъ Денферъ и губернской прокуроръ Мартовъ строго подчеркнули уѣздному суду, что „онъ имѣетъ преимущество передъ другими дѣлами приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и рѣшить оное безъ очереди“, иначе всѣ послѣдствія отъ медленности должны будутъ лечь на отвѣтственность суда.

Спустя десять мѣсяцевъ, уѣздный судъ рѣшилъ дѣло о Леопольдовѣ, но оно еще поступило на ревизію въ уголовную палату. Тамъ его ревизовали четыре мѣсяца.

Уѣздный судъ очень уже поусердствовалъ и приговорилъ Леопольдова къ каторжнымъ работамъ; однако палата не согласилась съ подобнымъ рѣшеніемъ, вмѣнила ему въ наказаніе тюремное заключеніе и сверхъ этого приговорила „къ чувствительному аресту“ на девять мѣсяцевъ въ крѣпостяхъ.

Отсюда дѣло пошло въ Сенатъ, который обратилъ его къ исполненію указомъ отъ 27 августа 1828 г., а Государственный Совѣтъ опредѣлилъ освободить Леопольдова, но съ тѣмъ, чтобы начальство того учрежденія, гдѣ онъ будетъ служить, обращало особое вниманіе на его поведеніе.

Находясь въ Новгородѣ, Леопольдовъ пожелалъ поступить въ ту палату, которая еще не такъ давно приговорила его къ крѣпостному заключенію. Кажется, къ этому учрежденію у него должна была бы явиться антипатія, но почему это иначе случилось — трудно объяснить.

Небезынтересно привести его прошеніе, поданное въ уголовную палату на Высочайшее имя.

Между тѣмъ, за его отсутствіемъ, въ Новгородскихъ учрежденіяхъ завязалась новая переписка: объ удержаніи съ него денегъ въ казну за чинъ коллежскаго секретаря и 59 р. 90 к. въ пользу Пахманъ и Скотти.

Впослѣдствіи выяснилось, что Леопольдовъ еще до полученія аттестата былъ удовлетворенъ жалованьемъ.

Куда исчезъ Леопольдовъ—полиція не знала, и поэтому дѣло предали забвенію.

Вдругъ въ 1834 г. Саратовская казенная палата обратилась въ Новгородскую уголовную за свѣдѣніями: „когда Леопольдовъ поступилъ въ оную на службу, былъ ли представленъ къ утвержденію въ чинъ, когда уволенъ, и не былъ ли ему объявленъ чинъ“.

Оказалось, что онъ поступилъ тамошнимъ квартальнымъ надзирателемъ, прослужилъ около мѣсяца и прибрѣлъ собственноручно составленный послужной списокъ, подписанный полиціймейстеромъ Прянишниковымъ.

Въ списокѣ, конечно, не значилось ни слова о томъ, что онъ служилъ ранѣе въ Новгородской уголовной палатѣ. Когда же Леопольдовъ изъ полиціи поступилъ въ Саратовскую казенную палату, то послѣдняя представила его къ чину. Вотъ тутъ-то и открылось его прежнее мѣстослуженіе. Герольдія увѣдомила, что Леопольдовъ Высочайшимъ указомъ произведенъ уже въ коллежскіе секретари, по представленію Новгородскаго губернскаго правленія, какъ служившій въ тамошней уголовной палатѣ.

Отвѣтъ былъ посланъ скоро. Небезъинтересно въ немъ одно мѣсто. Составитель отвѣта, сообщая общія свѣдѣнія по опредѣленію Леопольдова, упоминаетъ, что онъ „во время нахождения на службѣ въ сей палатѣ, велъ себя хорошо и былъ усерденъ“, но слова эти кѣмъ-то зачеркнуты, кто-то не согласился съ мнѣніемъ писавшаго такой отзывъ.

Что заставляло Леопольдова мѣнять такъ часто мѣста и опредѣляться на низшія должности, неизвѣстно. Между тѣмъ въ ту пору люди съ высшимъ образованіемъ встрѣчались рѣдко, и Леопольдовъ могъ бы занять видное служебное положеніе. Вѣроятно, тогда люди, познавшіе мудрость высшихъ наукъ, считались вольнодумными, вредными. Ихъ излишняя прямота и честность мѣшали обычному движенію чиновничьяго механизма. Конечно, прежніе протоколисты, журналисты, ассесоры, предсѣдатели, избѣгали его, какъ свѣточа въ темныхъ дѣлахъ, стараясь унизить его на маленькой должности и еще лучше совсѣмъ сплавить изъ учрежденія.

Несомнѣнно, Леопольдовъ перенесъ не мало горя отъ своего кандидатства.

Дальнѣйшая судьба его покрыта мракомъ. По крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Новгородскихъ архивовъ, кромѣ указанныхъ данныхъ, больше ничего нѣтъ. Также не имѣется никакихъ слѣдовъ о немъ и тамъ, гдѣ онъ проживалъ и встрѣчался съ поэтомъ Пушкинымъ, даже трудно установить его квартиру, по случаю неоднократныхъ ремонтовъ и передѣлокъ.

А. Г. Слезкинскій.

